

Одинъ изъ незамѣтныхъ дѣятелей Екатериненской эпохи.

II. Яковъ Павловичъ Козельскій ¹⁾.

(Историко-литературный матеріалъ).

I.

поха Екатерины Великой должна привлекать къ себѣ вниманіе историка русской культуры не только вслѣдствіе появленія на исторической аренѣ великихъ дѣятелей, отмѣченныхъ рѣзко и рѣзко выдѣляющихся изъ обычной среды. Эти люди, благодаря своимъ недюжиннымъ талантамъ, обращали на себя усиленное вниманіе и еще при жизни подверглись суду современниковъ. Ихъ роль въ исторіи нашего культурнаго развитія въ достаточной степени опредѣлена.

Нѣтъ, историкъ культуры долженъ начать свою экскурсію въ другомъ направленіи. Необходимо подмѣтить тѣхъ не блестящихъ особенными достоинствами работниковъ на нивѣ народной, тѣхъ рядовыхъ, такъ сказать, работниковъ, которые исполняли черновую, подготовительную работу. Эта работа на первый взглядъ не можетъ привлечь особаго вниманія, а сами исполнители ея кажутся черезчуръ заурядными. Но, ознакомившись поближе съ тѣми условіями жизни, въ которыхъ находились эти работники, ознакомившись съ тѣмъ, какъ они работали, что они сдѣлали—мы невольно должны почувствовать нашу глубокую благодарность къ этимъ культурнымъ одиночкамъ. Благодаря ихъ незамѣтнымъ на первый взглядъ трудамъ, благодаря ихъ упорной, мучительной работѣ былъ возможенъ общій

¹⁾ Смотри „Русская Старина“ 1905 г. т. СХХII, май. Михаилъ Васильевичъ Поповъ.

прогрессъ, общее развитіе народной массы. И въ конечномъ результатѣ за ними нужно признать гораздо большее значеніе, чѣмъ имъ отводилось до настоящаго времени.

Объ одномъ изъ такихъ культурныхъ одиночекъ я и поведу свою рѣчь. Кому изъ современныхъ читателей извѣстно имя—Яковъ Козельскій?—На означенный вопросъ можно вполне утвердительно отвѣтить, что большинство изъ русской интеллигенціи совсѣмъ не знаетъ про существованіе такого лица,—а между тѣмъ этотъ Яковъ Козельскій является очень оригинальною личностью, однимъ изъ первыхъ русскихъ ученыхъ.

Въ энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза, въ историческомъ словарѣ, да въ матеріалахъ къ исторіи Екатерининской комиссіи по составленію уложенія мы найдемъ самыя короткія біографическія данныя и сухой перечень трудовъ. Нѣсколько строчекъ, посвященныхъ этому лицу въ современныхъ справочныхъ изданіяхъ ничего не говорятъ, и мы можемъ съ легкимъ сердцемъ зачислить Козельскаго въ тотъ безчисленный рядъ переводчиковъ и композиторовъ, которые появились съ конца 60-хъ и начала 70-хъ годовъ восемнадцатаго столѣтія у насъ въ Россіи. И лишь тогда, когда мы разыщемъ по бібліотекамъ самыя труды Якова Козельскаго, поближе познакомимся съ нимъ, перечитаемъ тѣ довольно значительныя по размѣрамъ предисловія, которыми онъ снабжалъ почти всѣ свои работы—мы увидимъ, что передъ нами незаурядный мыслитель, человекъ съ большою эрудиціею.

По обычаю и условіямъ разсматриваемой эпохи, Яковъ Козельскій долженъ былъ служить. Трудъ литератора въ Екатерининскую эпоху не могъ давать средствъ къ пропитанію; литераторъ, какъ таковой, въ современномъ значеніи этого слова, еще не существовалъ. Литература была или занятіемъ побочнымъ, въ свободное время отъ непосредственныхъ занятій или представляла изъ себя ту же службу, какъ, напримѣръ, переводчики при академіи наукъ, различныхъ коллегіяхъ, описцы, стихотворцы при дворѣ. Платы за литературныя труды, въ видѣ гонорара, не существовало долгое время, и она была введена лишь Новиковымъ, когда онъ развилъ съ середины 80-хъ годовъ XVIII столѣтія свою издательскую дѣятельность. Литераторъ къ тому же долженъ былъ и самъ издавать свою книгу, свой трудъ, а изданіе книги по тѣмъ временамъ стоило очень дорого, книга же расходилась туго, лишь немногія сочиненія выдержали по нѣскольکو изданій; это были, главнымъ образомъ, учебники, затѣмъ нѣкоторыя беллетристическія и историческія сочиненія.

Всѣ эти обстоятельства приводили къ тому, что писатель долженъ былъ служить. Служилъ и Яковъ Козельскій. Сначала онъ былъ

учителемъ при артиллерійскомъ и инженерномъ шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ въ чинѣ артиллеріи капитана, а съ 1768 года — надворнымъ совѣтникомъ и Правительствующаго Сената секретаремъ. Что заставило Козельскаго переменить службу, бросить мундиръ и учительство и стать чиновникомъ Сената — намъ осталось неизвѣстнымъ, и это обстоятельство довольно таки странно. Я. Козельскій былъ незаурядный учитель, онъ не только училъ, но и сочинялъ руководства, переводилъ учебники — а такими людьми дорожили въ то время и особенно въ такомъ привилегированномъ заведеніи, какъ артиллерійскій корпусъ.

Какъ протекала служба Козельскаго, намъ тоже неизвѣстно — вообще мы слишкомъ мало знаемъ о біографіи людей Екатерининской эпохи, давныхъ или почти совѣмъ не сохранилось, а если и есть они, то хранятся по разнымъ архивамъ, доступъ въ которые болѣе чѣмъ затруднителенъ. Но мы можемъ отмѣтить одну особенность, слишкомъ характерную для Козельскаго. Въ корпусѣ, какъ мы и указали выше, Козельскій не только училъ, но и писалъ учебники; перейдя въ Сенатъ, онъ не оставилъ своей склонности. „При вступленіи моемъ изъ воинской службы въ статскую, имѣлъ я для пріобрѣтенія въ ней нѣкоторой способности необходимую нужду упражняться въ чтеніи философическихъ книгъ, служащихъ къ сему намѣренію“ — съ такими словами Козельскій обращается къ своему начальнику генералъ-прокурору князю Александру Алексѣевичу Вяземскому въ предисловіи къ книгѣ „Философическія Приложенія“ и дальше прибавляетъ: „въ тѣхъ книгахъ нашелъ я многія пріятныя и полезныя истины, неприступныя для скучливыхъ читателей, такъ что познаніе каждой изъ нихъ стоитъ читателю великаго труда въ бесполезномъ разборѣ другихъ изъ вовсе ненадобныхъ для него предложеній; и для того я, хотя и не учился ни отъ кого философіи, по примѣру прежнихъ моихъ сочиненій, выбралъ изъ тѣхъ книгъ полезныя для человѣческаго рода истины и къ тѣмъ присовокупилъ и мои извѣданныя надежными опытами“.

Въ этихъ строкахъ предисловія находится замѣчательно мѣткая характеристика писателя и переводчика средней величины Екатерининской эпохи. Прежде всего мы видимъ, что человѣкъ сталъ сочинителемъ безъ предварительной подготовки — хотя и не учился ни отъ кого философіи — откровенно и чистосердечно признается самъ Козельскій; далѣе натолкнула его на мысль сочинять вовсе не потребность въ сочинительствѣ, безспорно, такая потребность въ немъ была, но импульсомъ послужило совершенно постороннее обстоятельство — „при вступленіи моемъ изъ воинской службы въ статскую имѣлъ я, для пріобрѣтенія въ ней нѣкоторой способности, необхо-

димую нужду упражняться въ чтеніи“—служба требовала отъ Козельскаго извѣстныхъ знаній, ихъ не было, нужно было пополнить, для этого было единственное средство—самообразование, чтеніе книгъ. Козельскій началъ читать, началъ приобрѣтать знанія и какъ не лѣнивый рабъ не захотѣлъ воспользоваться своими приобрѣтенными знаніями только для себя лично, но дать возможность облегчить и другимъ приобрѣтать знанія, а отсюда и появилось сочиненіе Козельскаго „Философическія Предложенія“.

Такъ или въ этомъ духѣ начинали работать и другіе второстепенные и третъестепенные писатели Екатерининской эпохи. Я уже указывалъ, что М. В. Поповъ, довольно извѣстный переводчикъ, началъ свои переводы, обучаясь французскому языку. Онъ самъ сознаетъ недостатки своего перевода, но извиняетъ ихъ лишь тѣмъ обстоятельствомъ, что на этихъ переводахъ онъ учится самъ.

Время было слишкомъ горячее. Введенная на міровой рынокъ политикою Екатерины—приобрѣтеніемъ Польши, Новороссіи и Крыма—Россія, если хотѣла сдѣлаться участникомъ этого рынка, если не желала остаться въ экономическомъ рабствѣ у другихъ болѣе промышленныхъ, болѣе развитыхъ странъ, должна была развиваться, должна была поднять свой культурный уровень какъ можно скорѣе, быстрыми скачками. Надо было учиться, схватывать премудрости запада, которыя тамъ являлись логическимъ слѣдствіемъ долгой исторической жизни и дѣлать эти премудрости достояніемъ всѣхъ русскихъ. Страна жила кипучею жизнью, развитіе ея шло не столѣтіями, а десятками лѣтъ—и поэтому работа не могла быть спокойною, работники не могли до сего сами учиться. Необходимость въ людяхъ, въ знаніи требовала немедленнаго примѣненія полученныхъ знаній къ жизни. Весьма понятно, что при этомъ не было гармоническаго развитія, наоборотъ, скачки, неровности слишкомъ ярко выдѣлялись, многое являлось наноснымъ, не получало органической связи съ дѣйствительностью, а многое въ зависимости отъ этой дѣйствительности испытывало такую своеобразную эволюцію, что, безъ детальнаго знакомства со всѣми эпизодами русской жизни—прямо таки нельзя объяснить эту эволюцію. Вотъ эти-то особенности русской исторіи и создали въ нашей дѣйствительности такой интересный типъ, какъ Яковъ Козельскій.

Пушкинъ назвалъ Ломоносова—„первымъ русскимъ университетомъ“, Бестужевъ-Рюминъ, съ своей стороны, полагалъ, что это прозвище съ честью могъ носить первый русскій историкъ Татищевъ. И повѣтъ земли русской и академикъ-профессоръ даваемымъ ими эпитетомъ хотѣли отмѣтить универсальность знаній и занятій, какъ Ломоносова, такъ и Татищева. Но эта универсальность не была от-

личительною чертою только этихъ двухъ ученыхъ—она въ большей или меньшей степени можетъ быть примѣнена чуть ли не ко всѣмъ дѣятелямъ разсматриваемаго нами царствованія, она является такимъ образомъ характерною чертою не отдѣльныхъ личностей, а цѣлой эпохи. Въ самомъ дѣлѣ просмотрите списокъ трудовъ Козельскаго— вотъ онъ въ хронологическомъ порядкѣ.

1. Вертогъ. Исторія о перемѣнахъ, происходившихъ въ Швеціи въ разсужденіи вѣры и правленія, перевелъ съ французскаго Яковъ Козельскій. Спб., 1764—65 г.

2. Оттвай. Возмущеніе противъ Венеціи, трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, перевелъ съ нѣмецкаго Яковъ Козельскій. Спб., 1764 г., 8°.

3. Ариметическія предложенія для употребленія артиллерійскимъ кадетамъ, составилъ Яковъ Козельскій. Спб., 1764 г.

4. Голдбергъ. Исторія датская, съ нѣмецкаго перевелъ Яковъ Козельскій, 2 тома. Спб., 1765—66 г.

5. Шофинъ. Исторія славныхъ государей и великихъ генераловъ съ разсужденіемъ о ихъ поступкахъ и дѣлахъ, собранныя Шофиномъ, изъ сочиненій Роллена, Кривіера и другихъ, перевелъ съ французскаго Яковъ Козельскій. Спб., 1765 г. Второе изданіе, Спб., 1792 г.

6. Вольфъ, баронъ. Начальныя основанія фортификаціи, съ латинскаго перевелъ Яковъ Козельскій. Спб., 1765 г., 8°.

7. Механическія предложенія для употребленія обучающагося при артиллерійскомъ и инженерномъ шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ благороднаго юношества, сочиненныя артиллеріи капитаномъ Яковомъ Козельскимъ. Первое изданіе, Спб., 1766 г. Второе изданіе, Спб. 1787 г.

8. Государь и министръ, книга, сочиненная господиномъ Мозеромъ, съ нѣмецкаго языка переведена артиллеріи капитаномъ Яковомъ Козельскимъ. Въ Санктпетербургѣ, 1766 г.

9. Философическія предложенія, сочиненныя надворнымъ совѣтникомъ и Правительствующаго Сената секретаремъ Яковомъ Козельскимъ. Въ Санктпетербургѣ 1768 г.

10. Статьи о философіи и частяхъ ея, переведено Яковомъ Козельскимъ въ 2 частяхъ. Спб. 1770 г., 8°.

11. Сочиненіе о осадѣ крѣпостей, Якова Козельскаго. Спб. 1770 г.

12. Волесонъ, трагедія въ 4 дѣйствіяхъ, 1778 г.

13. Китайскій философъ или ученые разговоры двухъ индѣйцевъ Калана и Ибрагима, т. е. философическія разсужденія о человѣческихъ познаніяхъ касательно физики, врачебной науки, испытанія природы и ея таинствъ, естественной исторіей открываемыхъ, а именно о землѣ, водѣ, огнѣ, воздухѣ, о человѣкѣ и животныхъ, о расте-

ніяхъ и ископаемыхъ минералахъ, во врачевствѣ употребляемыхъ, о тяжести движеній и о покоѣ земныхъ тѣлъ и пр., перевелъ Яковъ Козельскій. Спб., 1788 г., 8°.

Списокъ, какъ видимъ, довольно значительный и состоитъ изъ сочиненій оригинальныхъ (3, 7, 9, 11, 12, 13) и переводныхъ (1, 2, 4, 5, 6, 8, 10). Изъ этого списка видно, что Яковъ Козельскій владѣлъ тремя языками—латинскимъ, французскимъ и нѣмецкимъ, такимъ образомъ, онъ могъ знакомиться въ подлинникахъ почти со всѣми выдающимися произведениями того времени. Далѣе, работы Я. Козельскаго захватываютъ собою очень широкія области человѣческихъ знаній—здѣсь и математика (арифметическія предложенія), и механика (№ 7), и философія (№ 9), наконецъ, изящная литература и естественная исторія (12—13); также разнообразны переводы Козельскаго, они касаются философіи (10), исторіи (1, 4, 5), политики (8), военного искусства (6, 11), наконецъ, одинъ переводъ драма Оттвалъ—Возмущеніе противъ Венеціи.

Человѣкъ владѣлъ тремя языками, изучаетъ, начиная отъ математики съ ея практическимъ примѣненіемъ, механикою и военнымъ искусствомъ, кончая философіей, пишетъ и переводитъ трагедіи—неужели же это не та универсальность, на которую указывалъ и Пушкинъ, и Бестужевъ-Рюминъ, какъ на характерную черту Ломоносова и Татищева.

Это знаменіе времени. Ученыхъ работниковъ было слишкомъ мало, наука находилась въ зачаточномъ состояніи, специализироваться было некогда, надо было отвѣчать запросамъ минуты, и поэтому Яковъ Козельскій, пока былъ въ корпусѣ, являлся математикомъ и механикомъ, перешелъ въ Сенатъ, сталъ заниматься философіей. Намъ можетъ показаться страннымъ подобное смѣшеніе, но оно было естественно,—нельзя забывать, что прошло 140 лѣтъ, какъ появилась первая книга Козельскаго.

Мы не будемъ останавливаться подробно на всѣхъ работахъ Козельскаго, отмѣтимъ лишь, что онъ, очевидно, былъ хорошо знакомъ съ иностранною литературою и умѣлъ выбирать для переводовъ дѣйствительно подходящій матеріалъ и, кромѣ того, стремился въ предисловіяхъ къ своимъ переводамъ подчеркнуть основную мысль перевода, указать на значеніе книги. Такъ, въ предисловіи къ исторіи Шофина Я. Козельскій слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ исторію: „извѣстно всѣмъ читателямъ, какую чтеніе исторіи приносятъ людямъ пользу. Она, вмѣсто сухихъ и скучныхъ философскихъ правилъ, исправляетъ нашъ разумъ и поступки живыми и въ натурѣ

происходящими примѣрами. Она низкихъ людей научаетъ быть довольными своимъ состояніемъ. Вельможъ наставляетъ къ трудолюбію, прилежанію къ ихъ должностямъ, къ исканію пользы и удовольствію подчиненныхъ и къ подаванію своему монарху полезныхъ и спасительныхъ совѣтовъ. Монархамъ напоминаетъ ихъ должность; учитъ ихъ правосудію, удерживаетъ отъ излишествъ объявленіемъ печальныхъ примѣровъ, случавшихся за то другимъ обладателямъ“. Это опредѣленіе исторіи, конечно, не отличается оригинальностью, оно было распространено въ XVIII вѣкѣ, но, какъ увидитъ читатель ниже, не безъ основанія Яковъ Козельскій подчеркнул, что исторія научаетъ низкихъ людей быть довольными своимъ положеніемъ. Далѣе, Козельскій указываетъ, что войны, производимыя монархомъ, еще не даютъ ему право на прозвище „Великій“, и въ подтвержденіе этой мысли во всей исторіи Шофина нѣтъ біографіи знаменитыхъ истребителей рода человѣческаго. Содержаніе исторіи, или, какъ называли въ то время, „реестръ“ слѣдующій: 1. Нума Помпилій. 2. Деіоцесъ. 3. Анкъ Маркій. 4. Ливургъ. 5. Тарвиній древній. 6. Крезъ. 7. Сервій Тулъ. 8. Аристидъ и Ѳемистоклъ. 9. Коріоланъ. 10. Цимонъ. 11. Манлій Торкватъ. 12. Діонъ. 13. Серторій. 14. Залевкъ. 15. Герцогъ Бургонскій.

Еще болѣе характеризуетъ съ положительной стороны Якова Козельскаго выборъ для перевода датской исторіи Голдберга, этого гениальнѣйшаго писателя Даніи, отца датской литературы. Напомнимъ читателямъ, что исторія Голдберга считается и до сихъ поръ однимъ изъ лучшихъ руководствъ по датской исторіи, что Голдбергъ „внесъ въ Данію свѣтъ европейской мысли, открылъ дорогу просвѣтительнымъ, гуманнымъ идеямъ“, бичевалъ всю недоразвитость и самодовольную узость взглядовъ общества, его завоснѣлые предрасудки, мелочность и эгоистичность, что Голдбергъ велъ борьбу съ суевѣріемъ, предрасудками, сухимъ педантизмомъ, схоластикомъ, съ напускною ученостью, страстью къ показному и слѣпому подражанію, съ мелочностью интересовъ, грубостью литературныхъ вкусовъ и другими общечеловѣческими слабостями, что, наконецъ, Голдбергъ былъ горячимъ поборникомъ эмансипаціи женщинъ—и мы поймемъ, что выборъ для перевода такого писателя дѣлаетъ честь переводчику.

Чтобъ вполне охарактеризовать Якова Козельскаго, мы остановимъ наше вниманіе на двухъ его произведеніяхъ—первое по механикѣ „Механическія Предложенія“, второе по философіи „Философическія Предложенія“. Эти сочиненія имѣютъ еще и тотъ интересъ, что они являются первыми болѣе или менѣе самостоятельными произведеніями на русскомъ языкѣ по указаннымъ отраслямъ человѣческаго знанія. Они не простой переводъ, не компиляція изъ тогдаш-

нихъ сочиненій западно-европейскихъ ученыхъ, нѣтъ—они представляють изъ себя не только переработку извѣстныхъ идей, но и содержать въ себѣ критику на эти идеи.

II.

Что заставило Козельскаго сочинить „Механическія Предложенія“? Отвѣтимъ же его словами изъ предисловія къ этой книгѣ: „уже тому прошло нѣсколько времени, какъ я порученной мнѣ при артиллерійскомъ и инженерномъ шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ обучалъ классъ механикѣ, а какъ на руссійскомъ языкѣ нѣтъ никакой книги о механикѣ, кромѣ сочиненнаго господиномъ Крафтомъ краткаго руководства къ познанію простыхъ и сложныхъ машинъ. Но какъ сія книга недостаточна къ обученію по ней благороднаго юношества, то въ такомъ разсужденіи долженъ былъ я искать помощи отъ другихъ авторовъ на иностранныхъ языкахъ и въ продолженіи обученія того класса, собравши изъ тѣхъ авторовъ нужнѣйшія правила и гдѣ могъ употребительныя въ человѣческой жизни случаи, въ коихъ я и собственныхъ моихъ предложеній нѣсколько прибавилъ, совокупилъ отъ всѣхъ въ одну книгу для порядочнаго обученія по ней юношества онаго корпуса“.

Причина, какъ видимъ, самая простая, на рускомъ языкѣ не было сочиненія по механикѣ, кромѣ неважнаго, чтобы не сказать болѣе, руководства Крафта, а обучать „благородное руссійское юношество“ механикѣ надлежало. Выйти изъ этого затрудненія возможно было только, издавъ свое собственное руководство и въ результатѣ появилась книга in 4°—4 неп. стр. (посвященіе), 10 неп. стр. (предисловіе), 2 неп. стр. (оглавленіе), 242 стр. нумер. (текстъ), 2 неп. стр. (письмо Эпинуса) и 30 листовъ гравированныхъ на мѣди чертежей.

Прежде всего Козельскій въ своемъ механическомъ трактатѣ указываетъ, въ чемъ же состоитъ разница между его изложеніемъ механики и изложеніемъ, практиковавшимся въ то время въ другихъ странахъ и другими авторами. Оттѣняя эту разницу, Козельскій не забываетъ дополнить, что не подражаетъ онъ „не изъ тщеславія“, а „изъ подражанія лучшему“. Разница заключается въ слѣдующемъ: „они (т. е. авторы) пишутъ механическія правила на подобіе математическихъ, кои выводятся изъ положеній и разсужденій; напротивъ того, въ механикѣ, какъ физической наукѣ, такой порядокъ расположенія предложеніемъ показался мнѣ непристойнымъ... и, такимъ образомъ, принявъ къ тому за предводителя натуру, сперва полагаю

всякому дѣйствию ея опытъ, дабы приуготовить черезъ то начинающаго учиться въ скорѣйшему понятію тѣхъ предложеній, какъ-то: слѣдствій, теоремъ и прочая, которыя выводятся и должны выводиться въ механикѣ изъ опытовъ“.

Нельзя не признать этотъ взглядъ свѣтлымъ и далеко опережающимъ современныя Козельскому взгляды схоластической науки. Своимъ руководствомъ Козельскій вносилъ новый принципъ,—принципъ, который и въ настоящее время хотя признается принципиально, но на практикѣ во многихъ мѣстахъ не осуществляется, за неимѣніемъ механическихъ кабинетовъ, въ которыхъ можно было производить опыты. Плодотворность этого принципа въ настоящее время, кажется, не подлежитъ доказательству.

Являясь, такимъ образомъ, новаторомъ, Козельскій въ то же время проявляетъ изумительную, особенно для того времени скромность, не присущую вообще ученымъ людямъ, и даже умаленіе своихъ заслугъ. Такъ онъ говоритъ, что „въ каждой главѣ старался я описать, сколько мнѣ можно было, больше принадлежащихъ къ ней случаевъ, а наименѣе сомнительныя въ другихъ авторахъ мѣста, старался я изяснить по крайней моей возможности желая лучше (ежели-бъ гдѣ могло случиться) признать передъ свѣтомъ мое незнаніе, нежели оставить читателя въ сомнѣніи и неудовольствіи и казать фальшивый блескъ якобы обширнаго знанія науки“. И это обѣщаніе Козельскій твердо сдерживалъ—для насъ оно можетъ быть наивно, можетъ вызвать улыбку на устахъ, но мы должны не забывать, что эта выдержка взята изъ предисловія къ первой появившейся на російскомъ языкѣ учебной книгѣ по такому серьезному предмету, какъ механика.

Все сочиненіе Якова Козельскаго состоитъ изъ восьми главъ, въ первыхъ пяти главахъ разсматривается собственно движеніе; въ трехъ главахъ простыя и сложныя машины. Укажемъ на нѣкоторыя особенности, прежде всего въ терминахъ, такъ вмѣсто „наклонная плоскость“ писалось „наклоненная плоскость“, вмѣсто „ударъ“ употреблялось „сраженіе“, такимъ образомъ, цѣлая глава носила заглавіе: „О дѣйствиі твердыхъ тѣлъ послѣ сраженія“, къ слову замѣтимъ, что въ этой главѣ довольно значительное мѣсто было отведено „объ употребленіи правилъ, о сраженіи упругихъ тѣлъ въ практикѣ при игрѣ билліардной“. Какъ примѣръ слога, приведемъ опредѣленіе понятія силы—„силою называется всякая та причина, которая дѣйствительно приводитъ, или только старается привести недвижущія тѣла въ движеніе, а движущіяся въ спокойство и въ случаѣ дѣйствительнаго приведенія тѣлъ въ движеніе или въ спокойство, называется сила живая; а когда она только старается ихъ

къ тому привести, а не можетъ, то мертвая“. Надо отдать справедливость Козельскому, что въ своихъ опредѣленіяхъ онъ достигалъ возможной по тогдашнему состоянію науки ясности и понятности, эти положительныя стороны его сочиненія особенно рѣзко выдѣляются, если припомнить, что въ тѣ времена наука не отличалась точностью опредѣленія. Сравните вышеприведенное опредѣленіе понятія силы хотя бы съ опредѣленіемъ понятія алгебра, которое помѣщено въ примѣчаніяхъ къ сатирамъ Кантемира (изд. 1762 г.). „Алгебра есть часть математики, весьма трудная, но преполезная, служащая къ рѣшенію труднѣйшихъ задачъ въ математикѣ. Можно назвать ее генеральною ариметикою, поелику части ея по большей мѣрѣ между собою сходны, кромѣ того, что ариметика употребляетъ для каждаго числа особливые знаки, а алгебра генеральныя, которые всякому числу приличествуютъ. Сія наука въ Европу пришла отъ араповъ, которые мнятъ быть ея изобрѣтателями, имя самой алгебры есть арапское, которые ее называютъ алжабръ валмукабала, то есть навестать или соравнять“. Просматривая приведенныя два опредѣленія, конечно, нельзя не отдать предпочтеніе первому изъ нихъ, оно и научно, и понятно; второе же представляетъ изъ себя лишь наборъ фразъ, а между тѣмъ оно предлагалось для гораздо большаго круга читателей и читателей менѣе подготовленныхъ, менѣе развитыхъ.

Обращаясь къ особенностямъ этого сочиненія, нельзя не отмѣтить массы приводимыхъ Козельскимъ примѣровъ изъ повседневной жизни: говоря о центрѣ тяжести, онъ вспоминаетъ про особыя дѣтскія качели, въ разборѣ положенія о равновѣсіи онъ не забываетъ пизанскую башню и т. п.

Словомъ, общее впечатлѣніе отъ его труда очень благопріятное, это былъ не простой переводъ учебника, не компиліяція, а самостоятельный научный трактатъ, который, до извѣстной степени, не потерялъ своего значенія и до настоящаго времени. Между прочимъ, значительный интересъ представляетъ то мѣсто, гдѣ Козельскій пытается выяснить, почему механика получила такое слабое развитіе. Объясненіе это характерно, приводимъ его текстуально: „что сія наука, равно какъ и другія (какъ то изъ исторіи видѣть можно), медленно получала свои приращенія, а иногда и совсѣмъ останавливалась на долгое время, то причиною тому отчасти бывшія тогда войны, а отчасти пристрастье, несправедливость и зависть нѣкоторыхъ самолюбивыхъ изъ самыхъ же ученыхъ людей (какъ то ученая исторія намъ объявляетъ), кои не столько старались о принесеніи черезъ свои сочиненія свѣту пользы, сколько о преимуществахъ предъ своими сверстниками. Правда, что и то уступить имъ можно бы (хотя иногда и несправедливо), только-бы они не искали совершен-

наго опроверженія и уничтоженія дѣлъ своихъ сверстниковъ. Самолюбіе ихъ доводитъ до того, что они похвалу и честь ближняго признають за существенный ущербъ своей хвалы и чести, будто бы имъ писаніями о той же наукѣ, о которой и сверстники ихъ въ свѣтъ издають сочиненія, болѣе прославиться и не осталось. А ежели они паче чаянія къ тому не имѣють силы, хотять при томъ слыть учеными, то лучше имъ какъ можно остерегаться отъ сей страсти, которая ясно открытъ можетъ другимъ людямъ недовольное ихъ знаніе въ наукѣ, потому что сильные въ наукахъ люди обыкновеніе имѣють не критиковать, а издавать свои сочиненія, которыми они и безъ критики посрамляють слабыя другія сочиненія. Статься можетъ, что я сею моею рѣчью много посягнулъ противъ такого ихъ поступка, въ разсужденіи того, что можетъ быть человѣческая слабость подаетъ имъ къ тому поводъ, т. е. когда умножатся ученые люди, то имъ не столько чести будетъ. Это правда, что люди не то почитають, что въ самой вещи по своей пользѣ почтенія достойно, а за большее ставятъ то, что хотя едва какую принести можетъ пользу, да въ своемъ родѣ рѣдкое. Но сія причина съ пути свести должна непросвѣщеннаго человѣка; напротивъ того, такихъ людей, которые какъ дарованіемъ природнаго разума, такъ силою знанія наукъ передъ прочими несравненно превосходятъ, поколебать ей казалось бы ужъ и не встаетъ. Они, кромѣ того философскаго удовольствія, что лучше знать науку, хотя и безъ всякой отъ того пользы, нежели не знать ее, могутъ имѣть лучшее и благороднѣйшее въ отличеніи себя передъ другими людьми средство“.

Мы видимъ, что первый русскій ученый исповѣдывалъ вполне гуманитарные взгляды, широту которыхъ не смогла окургузить русская дѣйствительность.

III.

Самое главное и интересное произведеніе Козельскаго „Философическія Предложенія“. Написано оно было по побужденіямъ, какъ мы уже и указали выше, постороннимъ—въ зависимости отъ перемѣны Козельскимъ службы и представляетъ изъ себя не только простую компиляцію, но самостоятельную разработку многихъ философскихъ проблемъ.

Основаніемъ ея служили, какъ и должно было ожидать, философы Франціи, главнымъ образомъ, Руссо, Гельвецій, Гольбахъ, Дидеро. Но съ самаго начала своего изложенія Козельскій не вполне согла-

шается съ своими учителями. На второй страницѣ предисловія онъ говоритъ: „господинъ Руссо думаетъ, что полезнѣе бы было для человѣческаго рода, чтобъ не знать ему наукъ и жить бы натурально“. Хотя Козельскій и соглашается отчасти съ этимъ мнѣніемъ, но не вполне; русскому философу кажется—„слѣдовать сему мнѣнію тогда было хорошо, когда еще весь родъ человѣческій былъ въ натуральной простотѣ, а въ нынѣшнемъ состояніи ученаго свѣта, ежели бы какой народъ вздумалъ не учиться, то другіе ученые народы въ краткое время и съ великимъ аппетитомъ его скушаютъ; и тогда-то ужъ онъ отъ сихъ просвѣщенныхъ волковъ безсумнѣнно убѣжденъ будетъ о вредности своей простоты въ нынѣшнія мудренныя и развращенныя времена“. Какъ въ своихъ Механическихъ Предложеніяхъ Козельскій не довольствовался однѣми математическими выкладками, а прибѣгалъ при доказательствахъ къ опыту, такъ и при изложеніи философіи тотчасъ послѣ теоретическаго разсужденія слѣдовалъ примѣръ изъ жизни, изъ исторіи. Не соглашаясь съ Руссо—Козельскій говоритъ: „Америка служитъ сему яснымъ доказательствомъ, какъ залетѣли туда ученые европейскіе коршуны и показали надъ тамошними цыпленками мастерство, проворство и удалство свое, то съ того времени потеряла она натуральное свое благополучіе, а остается ей только искать отъ искусства рождающагося благополучія, и то ужъ не наипаче, какъ посредствомъ самого же искусства, которымъ бы можно было имъ отвадить отъ себя лакомыхъ гостей“. Такимъ образомъ въ результатѣ Козельскій прямо опровергаетъ основной тезисъ Руссо въ его „Discours sur l'origine et les fondements de l'inegalité parmi les hommes“, и приходитъ къ выводу—„въ такомъ нынѣшнемъ состояніи ученаго свѣта надобно имѣть прибѣжище къ искусству и наукѣ“. Слѣдовательно, мы видимъ извѣстную самостоятельность взгляда и большую смѣлость—не соглашаться съ Руссо въ вѣкъ его безусловнаго господства надъ умомъ людей. Вообще Козельскій очень дорожилъ своею самостоятельностью, онъ тщательно отдѣляетъ свои мысли, своими умозаключеніями отъ чужихъ, заимствованныхъ. Онъ прямо говоритъ: „писалъ я мои опредѣленія и предложенія точно отъ моего имени, а изобрѣтенныя другими писалъ я вообще; какъ, на примѣръ, когда я пишу опредѣленіе права, то говорю такъ: правомъ я называю основаніе всякаго добраго или безпристрастнаго въ разсужденіи всѣхъ животныхъ дѣлъ; а когда я пишу опредѣленіе человѣка или любви, не отъ меня изобрѣтенное, то говорю не отъ моего имени, а вообще, то есть, человѣкъ есть разумное животное, также веселіе о чемъ благополучіи называется любовь“.

Особенности изложенія философіи у Козельскаго, если сравнить его книжку съ аналогичными, довольно значительны. Въ то доброе

старое время „философія“ понималась слишкомъ широко. Вотъ для примѣра книжка, носящая заглавіе: Грамматика философическихъ наукъ или краткое разобраніе новѣйшей философіи, изданная на англискомъ языкѣ г. Веніаминомъ Мартиномъ, а съ онаго переведена на французскій, съ французскаго же переложена на Россійскій Павломъ Бланкомъ. Часть первая. Москва, въ вольной типографіи Пономарева. 1796 г.

Читатель вполне ошибется, если подумаетъ, что въ этой книжкѣ излагается философія, какъ мы ее понимаемъ въ настоящее время, это просто на просто изложеніе физики, такъ какъ и послѣдняя входила въ понятіе философіи. Козельскій сѣзнулъ свою задачу. Онъ исключилъ изъ своихъ философическихъ предложеній „физику“—хотя исключилъ ее не потому, что полагалъ, что она не составляетъ философіи, а лишь потому, что „она сама собою очень пространна“; далѣе, въ его философіи не найдутся разсужденія о свойствахъ и дѣлахъ Божіихъ—ибо по его мнѣнію объ этомъ говорится въ священномъ писаніи—„чего для насъ и довольно, а болѣе покушаться на непонятное умомъ нашимъ покажется не кстати“; наконецъ, какъ онъ самъ говоритъ, что онъ оставилъ всѣ мелочныя описанія и сосредоточилъ свое вниманіе на существенныхъ положеніяхъ.

Наконецъ, само дѣленіе философіи не соотвѣтствуетъ общепринятому въ то время; вотъ что читаемъ въ предисловіи—„практическую философію вмѣсто раздѣленія ея на человѣческія дѣла, натуральныя законы, натуральное право, этику и политику раздѣлилъ я по благопристойности, какъ кажется мнѣ, на юриспруденцію, какъ содержащую въ себѣ всѣ права и праведные законы и дѣла, и на политику“.

Таковы особенности работы Козельскаго съ чисто внѣшней стороны. Между прочимъ, очень любопытно его поясненіе, во сколько времени можно научиться философіи. Вотъ какъ выражается по этому поводу русскій философъ: „теперь я не ограничивалъ точнаго количества времени на обученіе философіи, объявлю по самой сущей справедливости, во сколько времени позналъ я изъ философіи безъ предводительства учителя все то, что содержитъ въ себѣ сія сочиненная мною книга ¹⁾. Я, не останавливая другихъ дѣлъ, употребилъ на познаніе и сочиненіе содержащейся въ сей книгѣ матеріи годъ

¹⁾ Мы не указали, гдѣ обучался Я. Козельскій, такъ какъ у насъ не было данныхъ. Судя по его посвященію своихъ „Механическихъ Предложеній“ академіи наукъ—можно предположить, что онъ былъ въ числѣ учениковъ академіи, хотя въ опубликованныхъ донинѣ спискахъ учениковъ мы не нашли его фамиліи, между тѣмъ въ своемъ посвященіи Козельскій прямо говоритъ: „Сочиненіе сіе передаю я той же академіи, какъ плодъ нѣскольколѣтняго моего упражненія при ней въ наукахъ“.

и думаю, что всякій упражнявшійся въ наукахъ скажетъ, что это на такое дѣло употреблено весьма немного времени; но какъ я не сумнѣваюсь, то по тому и признаюсь, что упражненіе мое до сего времени въ другихъ наукахъ, въ коихъ я уже препроводилъ много лѣтъ, можетъ быть не мало облегчило мнѣ понятіе философіи и, замѣняя способность къ понятію, пріобрѣтенную упражненіемъ въ наукахъ на лѣта неучившагося человѣка, то можетъ быть оно къ тому году придало еще три года“.

Такимъ образомъ, по мнѣнію Козельскаго, въ четыре года можно было изучить философію,—срокъ не особенно продолжительный.

Намъ, конечно, не приходится разбирать всю книгу Козельскаго, въ большинствѣ случаевъ онъ проводилъ и защищалъ взгляды энциклопедистовъ, мы отмѣтимъ лишь только тѣ пункты, въ которыхъ онъ былъ оригиналенъ или которые касались русской дѣйствительности.

Мы уже указали, что Козельскій не соглашался съ Руссо, но онъ во многихъ мѣстахъ своей книги опровергаетъ и другія знаменитости своего времени, такъ, на примѣръ, онъ не согласенъ съ Гельвеціемъ съ его опредѣленіемъ разсужденія (стр. 18), съ Даржаномъ въ опредѣленіи силлогизма, съ Вольтеромъ—въ опредѣленіи матеріи (стр. 43), при чемъ въ послѣднемъ случаѣ Козельскій довольно откровенно сознается: „мнѣ какъ опредѣленіе Нейтоново не понятно, такъ и толкованіе Вольтера темно; правда, что можетъ быть сія темнота зависитъ отъ темнаго моего разума“. Но особенно сильно возстаетъ Козельскій противъ различныхъ схоластическихъ понятій, опредѣлений, господствовавшихъ въ то время въ наукѣ, здѣсь онъ не щадитъ своего подчасъ очень злаго сарказма; на примѣръ, говоря, что скупость и жадность человѣческую не должно заключать въ тѣсныхъ предѣлахъ одного обыкновеннаго имѣнія, она пребываетъ еще въ „вѣчности, славѣ, хвалѣ и любви“. Козельскій тотчасъ прибавляетъ: „я удивляюсь тому, что философы истолковываютъ такіа мелочи, которыя всѣмъ понятны“. Дѣйствительно, указаніе на мелочи въ своемъ сочиненіи Козельскій тщательно избѣгнулъ, онъ преслѣдовалъ одну цѣль доказать правоту матеріалистическаго пониманія жизни. Эта цѣль была всѣмъ для Козельскаго, и онъ очень удачно подбиралъ доказательства, и слѣдилъ, чтобы эта главная цѣль не затемнилась мелочными разсужденіями. Не всегда, впрочемъ, онъ прямо говорилъ, иногда употребляя или способъ доказательства отъ противнаго или прибѣгая къ метафорамъ. Наболѣе опредѣленно высказался онъ въ слѣдующемъ мѣстѣ: „1) въ натурѣ не дѣлается ничего скачкомъ или безъ причины (философы раздѣляютъ еще и скачокъ на совершенный и зависящій. Этакая важность стоила вне-

сенія въ философію!), 2) ежели мы полагаемъ на свѣтъ связь между дѣлами и вещьми, то черезъ сіе уничтожается судьба, что и за справедливость почестъ можно; потому что, хотя мы иныхъ нечаянныхъ происхожденій причинъ вдругъ и не узнаемъ, однако, строгимъ изслѣдованіемъ можно испытать тѣ причины“. — Нельзя, конечно, удивляться тому, что такіе взгляды высказывались прямо и открыто. Время Екатерины II во многомъ было либеральнѣе настоящаго момента или нѣсколькихъ лѣтъ тому назадъ. Это и понятно. При Екатеринѣ II знаніе, ученіе, книга были доступны лишь незначительному меньшинству населенія, людямъ обезпеченнымъ, людямъ, стоящимъ болѣе или менѣе высоко на общественной лѣстницѣ. Зараза знанія не проникала въ массу, масса была индифферентна и либеральныя идеи парили въ обществѣ и мирно уживались съ самымъ яркимъ нарушеніемъ идей либерализма, „крѣпостнымъ правомъ“.

Дѣйствительности Козельскій касался сравнительно мало, о крѣпостномъ правѣ нѣтъ даже и указанія—онъ дѣлаетъ лишь нападеніе на знатность, чины, отличія—нападенія обычныя, по тому времени [никакая слава не состоитъ въ богатствѣ, знатности фамиліи или въ пустыхъ и пышныхъ титулахъ (стр. 104) или еще другое мѣсто, знатность предковъ нашихъ не должна служить намъ въ честь (стр. 100)], отмѣчаетъ неправильное пониманіе слова „подлый“ — „въ нашемъ Россійскомъ народѣ вошло въ обычай называть убогаго человѣка бѣднымъ, а простой народъ подлымъ; а мнѣ думается, что бѣднымъ называть должно того, кто не можетъ трудомъ своимъ сыскать пропитанія, а развѣ милостынею; а подлымъ того, кто упражняется въ порочныхъ дѣлахъ“. Но вообще у Козельскаго отношеніе къ низшимъ классамъ общества свысока, немного презрительное—вспомнимъ, что это общая черта почти всѣхъ энциклопедистовъ, а особенно Вольтера; такъ Козельскій прямо говоритъ: „простой народъ прямую набожность и прямую добродѣтель рѣдко разумѣетъ“. Все же этотъ взглядъ выше, чѣмъ тѣ, которые неоднократно высказывалъ великій вольнодумецъ XVIII вѣка—Вольтеръ!

И только объ одномъ жизненномъ вопросѣ—несмотря на всю его щекотливость для Россійскаго подданнаго—Козельскій высказался прямо, откровенно, съ присущею ему рѣзкостью, но этотъ вопросъ былъ, очевидно, для Козельскаго большимъ вопросомъ, такъ какъ онъ къ нему возвращался неоднократно даже и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ на первый взглядъ не было и основанія затронуть этотъ вопросъ.

Козельскій былъ принципиальнымъ противникомъ войны и, не стѣсняясь, осуждалъ ее. Нельзя забывать, что война велась почти все царствованіе Екатерины, что война восиѣвдалась, прославлялась всѣми и „екатерининскіе орлы“ „я громъ побѣды раздавайся“ является наи-

болѣе характерными чертами этого царствованія. И, несмотря на все это какой-то ничтожный капитанъ-отъ-артиллеріи или надворный совѣтникъ громко возвышалъ свой протестующій голосъ, не сдерживалъ своего негодованія, осуждая этотъ варварскій обычай—войну.

„Ненасытные самолюбцы, не зная или не хотя знать, въ чемъ состоитъ истинное право,—говоритъ Козельскій,—выдумали еще нѣкое военное право, которое никогда не было, не есть и не будетъ правомъ“. Точка зрѣнія автора ясна, высказался онъ опредѣленно, но этого ему мало, онъ продолжаетъ: а ежели его,—т. е. военное право—въ укоризну и поношеніе истиннаго права пребывающаго подъ опекою самаго всемогущаго божества назвать правомъ, то опредѣленіе ему полагаю я нижеслѣдующее: *безчеловѣчное желаніе, сопряженное съ могуществомъ и силою, чтобы причинять своему ближнему всевозможный вредъ, даже и самую смерть безъ страха казни—называю я войною* (73 стр.)“.

Эти взгляды Козельскій развивалъ и дополнялъ и въ другихъ своихъ работахъ—противъ войны онъ возстаетъ въ предисловіи къ своимъ Механическимъ Предложеніямъ, противъ войны онъ говоритъ и въ предисловіи къ Шофину. Къ слову сказать, въ царствованіе императрицы Екатерины II вопросъ „о войнѣ“ дебатировался довольно усиленно въ русской литературѣ, о немъ говорится довольно подробно въ Новиковскихъ журналахъ. Специально этому вопросу посвящены два сочиненія, отдѣльно изданныя. Первое изъ нихъ появилось въ 1771 г. и носило слѣдующее заглавіе: „Сокращеніе слѣданное Ж.-Ж. Руссо, женевскимъ гражданиномъ, о вѣчномъ мирѣ изъ сочиненія аббата де Сентъ-Піера, переводъ съ франц. И Богдановича. Спб. 1771, 8° (см. 6808), второе въ 1789 году—„Миръ Европы или проектъ всеобщаго замиренія. Миръ Европы не можетъ иначе возстановиться, какъ только по продолжительному перемирію или проектъ всеобщаго замиренія сопряженнаго купно съ отложеніемъ оружей на 20 лѣтъ между всѣми политическими державами. Перевелъ въ станѣ предъ Очаковымъ въ 1788 г. съ нѣм. Романъ Цебриковъ. Спб. Вильковского, 1789 XXXIII—185 (Григоровичъ. Биографія Безбородка)“. Небезынтересно, что капитанъ-артиллеріи Я. Козельскій ратуетъ противъ войны, а будущій декабристъ Романъ Цебриковъ, находясь подъ стѣнами Очакова, мечтаетъ о вѣчномъ мирѣ и переводитъ съ нѣмецкаго сентиментальный трактатъ о возможности этого мира.

Но Козельскій не только ратовалъ противъ войны, онъ сдѣлалъ указанія и вообще относительно арміи. Эти указанія слѣдующія:

1. Для наружной безопасности надобно ставить крѣпости на однихъ границахъ не въ близкомъ разстояніи и то такія, чтобъ тамош-

нимъ жителямъ однимъ не отяготительно было ихъ строить, въ томъ намѣреніи, что крѣпость должна только устоять хотя малое время до подавія помощи, а не такъ, какъ нѣкоторые въ головахъ своихъ строятъ непобѣдимую крѣпость; такіе проекты доказываютъ больше непобѣдимое упрямство, а не непобѣдимую крѣпость, невозможно въ натурѣ и не польза обществу.

2. Содержать столько войска, которое бѣ пропорціонально было пространству земли и количеству народа.

3. Чтобъ солдаты были хороши, то брать въ сіе званіе по охотѣ, а не поневолѣ, для сего полезно, чтобъ солдаты всѣ женаты были, то дѣти ихъ могутъ быть лучшіе солдаты.

4. Для наружной безопасности во всѣхъ, а наипаче въ пограничныхъ мѣстахъ надобно приучивать всякаго званія людей безъ изъятія умѣть обходиться съ оружіемъ.

5. Надобно, чтобъ солдатъ сносилъ трудъ всегдашній, только не чрезвычайный, также нужду, а не страданіе, и исправлялъ бы свою должность, а не прихоти начальниковъ.

Все это очень не походило на распространенные въ то время взгляды, рисовало совѣмъ новую постановку военнаго дѣла—и, конечно, должно было остаться гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Основаніемъ для этихъ взглядовъ у Козельскаго было слѣдующее: „Ежели бѣ употребить то число людей, которые бываютъ въ кампаніи противъ непріятеля, въ какому-либо другому дѣлу, то чаятельно они не меньше бы принесли трудомъ своимъ пользы, какъ и побѣдою своею, и то еще ежели удастся, а побываемые бы на баталіи люди живы остались“.

Являясь новаторомъ во многихъ вопросахъ, Яковъ Козельскій высказалъ вполне новую для своего времени мысль. Онъ говоритъ: „но надлежитъ знать, что хотя я и совѣтую имѣть трудолюбіе, но не чрезвычайное, которое можетъ укоротить жизнь человѣку. Мнѣ думается, что для труда человѣку довольно восьми часовъ въ сутки, другіе восемь часовъ можетъ онъ употребить на одѣяніе, кушанье и забаву, а третіи восемь часовъ на сонъ (200 стр.).“

Итакъ, въ 1768 году, т. е. почти 140 лѣтъ тому назадъ въ Россіи былъ человѣкъ, который выставилъ требованіе восьмичасоваго рабочаго дня. Конечно, это требованіе не было удовлетворено, за него идетъ борьба въ настоящее время, но во всякомъ случаѣ это требованіе Козельскаго заслуживаетъ вниманія. Едва-ли Козельскій былъ не первый изъ мыслителей, который задался этимъ вопросомъ и далъ ему такое разрѣшеніе.

Мы насколько возможно подробно произвели анализъ главныхъ трудовъ Козельскаго. Изъ всего вышесказаннаго видно, что Козельскій былъ человѣкомъ выдающимся, съ большою эрудиціею, съ талантомъ, что онъ не держался протертой дорожки, а стремился самостоятельно прокладывать новые пути...

И что же? — Несмотря на оригинальность 'своихъ взглядовъ, несмотря на живой, вполне литературный языкъ, — Козельскій, какъ видно, и при жизни не пользовался успѣхомъ, а послѣ смерти ¹⁾ онъ былъ вполне основательно забытъ...

Почему? — Намъ кажется, что одною изъ причинъ является именно та оригинальность, самобытность возрѣній Козельскаго, которую мы старались подчеркнуть въ нашемъ очеркѣ. Козельскій былъ идеологомъ будущаго времени, современники не могли его понять, его идеи были не для нихъ.

П. Столпянскій.

1906 г. 24 февраля.
Оренбургская тюрьма.

1) Годъ его смерти неизвѣстенъ, такъ какъ послѣдній изъ его трудовъ вышелъ въ 1788 г., то авторъ замѣтки о Козельскомъ въ историческомъ Словарѣ полагаетъ, что Козельскій умеръ послѣ 1788 г.—намъ кажется это предположеніе невѣроятнымъ, и мы думаемъ, что Козельскій умеръ гораздо раньше, около 1770, и что два послѣднихъ его труда изданы послѣ его смерти; наше предположеніе основано на томъ, что вплоть до 1770 года Козельскій проявляетъ кипучую дѣятельность, издаетъ одну за другою книгу—а затѣмъ появляются только двѣ его работы; едва-ли если бы Козельскій былъ живъ, онъ не продолжалъ выпускать если не оригинальныя сочиненія, то переводы; конечно, и 1770 г., какъ годъ смерти, есть только предположеніе.